

ПЕСЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР В СИСТЕМЕ ВОЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ЧЕРКЕСОВ (АДЫГОВ)

Мирзоев Асланбек Султанович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), marzeibach@mail.ru

В статье рассмотрена связь песенного фольклора черкесов (адыгов) с их развитой военной культурой. Установлено, что он выполнял ряд общественно значимых функций: идеологическое обоснование милитаризованного быта социума и образа жизни воинского класса, морально-психологическая подготовка молодежи к воинской жизни и воспитание необходимых для этого качеств, поддержание высокого боевого духа воинов во время сражений, увековечивание памяти исторических событий вместе с именами народных героев. Выявлено, что военный быт черкесов способствовал появлению специфических жанров песенного фольклора, которые квалифицированы как историко-героическая песни (зауэ уэрэд), величальные песни (лызакъуэ пшынальэ), песни оплакивания героев (гыбызэ), походные песни (зеклуэ уэрэд), песни излечения раненного (щлопщаклуэ уэрэд), песни извлечения пули (шэхэх уэрэд) и др.

Ключевые слова: песенный фольклор, джегуако, джегуаковский иммунитет, историко-героические песни, милитаризованный быт, воинская слава, народная память.

Впервые взаимное влияние милитаризованного быта и песенного фольклора черкесов проанализировал в своей блестящей статье, опубликованной в 1869 г., А.-Г. Кешев [Кешев 1987: 222–237]. Нельзя не упомянуть описание и классификацию песенного фольклора черкесов сделанное Хан-Гиреем в этнографическом и историческом описании Черкесии [Хан-Гирей 1992: 109–114]. Данную научную проблему исследовал в ряде своих работ З.М. Налоев [Налоев 1980: 7–26; Налоев 1986: 5–34; Налоев 2011]. Различные аспекты этой тематики освещали в своих статьях А.М. Гутов [Гутов 2005: 5–28]; В.Х. Кажаров [Кажаров 2005: 29–86]; А.Н. Соколова [Соколова 2010: 210–216] и др. авторы.

Черкесы в прошлом были воинственным народом и воинский класс составлял значительную часть населения Черкесии – около 30% [Бгажноков 2004: 52]. Образ жизни, воспитание, природные данные, особенности общественно-политического устройства и геополитическая ситуация способствовали развитию у них в значительной степени военных задатков. При этом следует заметить, что воинственность и милитаризованный быт феодальной Черкесии были во многом производными от непреходящей в течение столетий внешнеполитической напряженности.

Высокий уровень боевой подготовки черкесских воинов был результатом взаимодействия многих факторов. Для функционирования налаженной черкесами эффективной системы военной подготовки немаловажное значение имела идеологическая обстановка, поддерживаемая в обществе. Система этических, обычно-правовых, этикетных норм адыгэ хабзэ и созданный на его основе рыцарский кодекс уэркъ хабзэ на уровне общественных отношений превозносили воинскую

славу, честь, свободолюбие. Важную роль в этом играли народные барды – джегуако, которые в своих песнях окружали ореолом рыцарской доблести участие не только в освободительных войнах, но и в грабительских набегах и феодальных междоусобных войнах. С этой же целью использовался и древний нартский эпос, в котором воспевались набеги и войны эпохи «военной демократии». «Современный черкес, – писал К.О. Сталь, – хочет подражать громким подвигам своих народных нартов ... и тлехупхов (Лыхъужь – рыцарь, герой – А.М.), о хищничестве которых гласит ему народное предание и народные песни» [Сталь 1900: 122].

Огромное значение в воспитании молодежи в духе господствовавших в черкесском обществе идеологических представлений и ценностей играли песня и песенный фольклор. Черкесская песня, прославлявшая воина-наездника и его подвиги, сопровождала его от рождения до смерти.

Как только в семье знатного черкеса рождался ребенок, быфадэ (аталык) за определенную плату поручал джегуако сложить в честь своего воспитанника колыбельную песню. О характере и содержании этих песен Хан-Гирей писал: «В песнях этого разряда упоминают о знатности и подвигах предков и родственников воспитанника и предрекают будущую его славу. Тут же посылают его в наезды и делят его добычи воспитателям и служителям. Младенец-воспитанник, приходя постепенно в юность, узнает ему предреченные деяния почти прежде имен родителей; а между тем, войдя в лета возмужалости, старается оправдать, сколько возможно предреченные ему подвиги. После этого можно ли удивляться, что ... черкес от колыбели до гроба гоняется за славою храброго воина» [Хан-Гирей 1992: 112–113].

Известные предводители, желавшие собирать под свои знамена как можно больше воинов, перед выступлением в поход рассылали по стране покровительствуемых ими джегуако. Исполняемые ими при этом историко-героические песни, прославлявшие военные подвиги народных героев, лучше всего способствовали мобилизации населения, особенно молодежи.

Знаменитый шапсугский предводитель Шеретлоко Кизильбеч (Казбич) при подготовке военного похода и сборе армии всегда пользовался услугами джегуако. «Он водил с собой, – сообщает Дж. Лонгворт, – простого, но могущественного помощника в лице слепого старого певца, самого известного в Черкесии, одно слово убеждения которого было способно собрать мужчин. Любитель искусства народного пения, Хаджи (Казбич Шеретлоков – А.М.) был щедрым покровителем умелых исполнителей... и по большей части, когда он собирал воинский отряд, с ним всегда находился его любимый трубадур, который вместе со своей скрипкой перевозился с места на место на крупе жеребца его слуги» [Лонгворт: 475–476].

Песня сопровождала черкесских наездников и во время дальних походов. В них принимали участие дружинные джегуако, которые исполнением старинных песен воодушевляли воинов [Налоев 2011: 122, 360, 361]. Кроме того, их задачей было правдивое отражение событий, очевидцами которых они становились.

Так как для князей и дворян профессия джегуако считалась предосудительной, последние, как правило, были выходцами из крестьянских сословий. Тем не менее, некоторые представители высших сословий не пренебрегали песнетворчеством. Так, известный наездник и предводитель кабардинский князь Атажукин Магомет Колчерукий (ХьэтІохъушокъуэ Мыхьэмэт Іэшэ) был неплохим поэтом и импровизатором песен.

По словам Гукемуха Абубекира, в старину некоторые наездники возили с собой во время походов черкесский музыкальный инструмент – шичепшину, под аккомпанемент которой исполнялись песни [Гукемух Абубекир Махмудович, 1905 г.р., сел. Большой Зеленчук КЧР]. Знание историко-героических песен вменялось в обязанность знатной черкесской молодежи [Налоев 2011: 44].

Анализируя характер и значение черкесских песен, А.-Г. Кешев писал: «Песня дорога для адыгов не только потому, что она единственный памятник его прошлого, наследие отцов, но еще и потому, что она служила всегда неиссякаемым источником его воинственного энтузиазма» [Кешев 1987: 228].

Действительно, при отсутствии у черкесов своей письменности, песня и сопровождавшие ее устные предания, передававшиеся из поколения в поколение, были единственным средством увековечить знаменательные события, их участников, имена героев и их подвиги. Говорят, когда один русский генерал спросил последнего верховного князя Кабарды Кучука Джанхотова: «Что есть ваша история?», он ответил: «Наши старики – наша история», имея в виду, что именно они были носителями знаний прошлого своего народа, воплощенного в преданиях и историко-героических песнях [Научный архив КБИГИ. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 1. С. 21]. Их историческую достоверность можно было бы поставить под сомнение, учитывая сам жанр, предполагающий некоторую романтизацию героев и гиперболизацию их деяний. Но именно в этом жанре адыгского фольклора в основе всегда лежат исторические факты, которые находят подтверждение в других источниках. Опираясь на устную историческую память народа, выдающийся просветитель Шора Ногмов создал первую письменную историю кабардинцев (1838 г.) [Гутов 2005: 7].

Черкесские историко-героические песни и предания как никакой другой вид исторических источников имеют важное значение при попытках воссоздания «духа эпохи», внутреннего мира адыгов того времени, их менталитета и т.д. Поскольку они создавались по поводу определенных случаев и посвящались конкретным лицам, то содержащаяся в них информация может быть использована в качестве вспомогательного материала для реконструкции деталей и обстоятельств исторических событий. Здесь они незаменимы даже при наличии других источников [Кажаров 2005: 60–61].

Народная память, отраженная в фольклоре, сохранила в веках не только события и имена, но и духовные ценности, особенности менталитета, идеалы, составлявшие морально-этическую и эстетическую основу народного мировосприятия. Так, например, в песенной культуре черкесов нашли отражение такие особенности традиционной черкесской культуры, как присущие ей агональные черты. Древнегреческий термин «агон» означает «соревнование, состязание, борьба». Агональное начало пронизывает насквозь адыгский фольклор [Соколова 2010: 211].

Гипертрофированное желание славы и острое соперничество в черкесском обществе ученые объясняют военно-демократическим образом жизни, влиявшим на стиль межличностного и межгруппового общения. Оспаривание первенства шло на уровне индивидов, семей, фамилий, субэтносов. Соревновательность у черкесов считается добродетельным качеством личности, которое способствуют развитию как отдельной личности, так и общества в целом [Соколова 2010: 213].

В героических величальных и плачевных песнях нашли отражение такие особенности менталитета черкесских воинов, как индивидуализм, дух соперничества в проявлении воинской доблести, любовь к славе.

Слава, в понимании черкесов, давала человеку земное бессмертие. Вот почему каждый черкес мечтал о высшей награде в адыгском обществе – быть прославленным в песне народными бардами. «Мывэ сыныр мэкӀуэдыж, мыкӀуэдыжыр уэрэдщ» – «Камень на могиле со временем исчезнет, не исчезнет со временем лишь песня» – гласит народная поговорка.

В статье «Характер адыгских песен» А.-Г. Кешев в связи с этим отмечал: «Не боясь нисколько впасть в преувеличение, мы утверждаем, что ни учение ислама, просветившее адыгские племена новым мирозерцанием, ни попытки Шамиля вдохнуть в них пламенный дух газавата не имели в совокупности и половины той подстрекающей силы, какую в состоянии производить на адыгов одна

хорошая старинная песня. И в этом нет ничего странного. Религиозная проповедь сулила адыгам одни загробные награды, тогда как ему по свойству его характера гораздо заманчивее казалось приобрести земную славу. Первая занимала его лишь настолько, насколько она смягчала перспективу предстоящих за пределами жизни мучений ада; слава же привлекала его в той мере, в какой он желал бы видеть себя в своей сфере, окруженным всеобщим удивлением и почетом. К тому же при односторонне понятном им учении ислама, черкесу казалось легче достигнуть небесной награды – так как для этого, по его мнению, достаточно пасть в борьбе с гяурами, – чем добиться репутации хорошего наездника... Впрочем, мы не хотим сказать этим, что умирать для черкеса легче, чем для всякого другого; мы только желаем показать, что при твердой уверенности в неизбежности смерти и решительном предпочтении сложить голову в бою, нежели умереть спокойно в постели, условие, предписываемое религией для получения мученического венца, не представляло для него особенной трудности» [Кешев 1987: 229–230].

Первую попытку научной классификации героических величальных и плачевных песен предпринял Хан-Гирей (1808–1842). Хан-Гирей выделяет пять жанров: 1) «жизнеописательные» (лЫызакъуэ пшыналъэ); 2) «описание битв» (зауэ уэрэд или лЫыбэ пшыналъэ); 3) «плачевные песни» (гыьбзэ); 4) «песни наездничества» (зеклуэ уэрэд); 5) «песни, которые исключительно поют при теле усопшего» (сагыш) [Хан-Гирей 1992: 111–113]. Все песни он делит на две группы: исторические и жизнеописательные. К первому разряду он относит лЫыбэ пшыналъэ («песни многих мужей»), они же – зауэ уэрэд («описание битв»), а также многогеройную часть «плачевных песен». «Если плачевная песня относится ко многим лицам, – поясняет Хан-Гирей, – она более причисляется по своему содержанию к песням исторического разряда» [Хан-Гирей 1974: 125]. Ко второму разряду, по классификации Хан-Гирея, относятся «песни наездничества» (походные песни) и одногеройная часть «плачевных песен», которые он называет «жизнеописательными» [Хан-Гирей 1974: 125].

Героические песни посвящались воинам, погибшим в бою, и слагались обычно после их смерти в жанре песен-плачей (гыьбзэ). Бывали редкие, единичные случаи, когда еще при жизни в честь рыцаря могли сложить песню. Это могло иметь место в случае преклонного возраста и чрезвычайных заслуг человека [Налоев 1986: 8].

Героические песни, такие, например, как «Бахъшысэррей зеклуэм и уэрэд» (Песня о Бахчисарайском походе XVI в.) [Народные песни... 1986: 51], «Къызбрун зауэм и уэрэд» (Песня о Кызбурунском сражении XVI в.) [Ногмов: 82–89], «Къарэкъэщкъэтау зауэм и уэрэд» (Песня о Каракашкатауской битве XVI в.) [Народные песни... 1986: 190, 200], «Къулькъужын зауэм и уэрэд» (Песня о Кулькужинской битве XVII в.) [Народные песни... 1986: 205], «Бзыикъо заом иорэд» (Песня о Бзюкской битве XVIII в.) [Народные песни... 1986: 246], «Къэбэрдей жэштеуэм и уэрэд» (Песня о кабардинском ночном нападении XVIII в.) [Народные песни... 1986: 225, 230, 236, 242], посвящались знаменитым битвам.

Перед началом сражения народные певцы-джегуако занимали места на холмах, деревьях и других возвышенностях местности, на которой должна была произойти битва. Наблюдая с высоты за ходом сражения, они отражали его затем в своих песнях. Т. Лапинский, очевидец одного из таких сражений, приводит следующее свидетельство: «Я видел весною 1857 г. во время сильной перестрелки на реке Адагум, как один такой бард влез на дерево, откуда он далеко раздающимся голосом воспевал храбрых и называл по именам боязливых. Адыг больше всего на свете боится быть прозванным трусом в национальных песнях – в этом случае он погиб: ни одна девушка не захочет быть его женой, ни один друг не подаст ему руки, он становится посмешищем в стране. Присутствие популярного барда во время битвы – лучшее побуждение для молодых людей показать свою храбрость» [Лапинский 1995: 123].

О том, какое влияние оказывала песня на воинов, рассказывает случай, описанный А.-Г. Кешевым: «Около тысячи человек отборных кабардинских наездников, возвращаясь из удачного похода... были настигнуты превосходными силами неприятеля. Преследуемые по пятам, осыпаемые картечью и ракетами, они мало-помалу пришли в расстройство, начали бросать захваченную добычу и спасаться в одиночку. В эту-то минуту всеобщего смятения, когда ни увещевания, ни угрозы влиятельнейших предводителей не могли восстановить порядка в упавшей духом партии, бывшему в отряде джегуако пришла счастливая мысль – стать ногами в седло и пропеть... известную песню Кашкатау, описывающую битву кабардинцев с крымцами. Голос певца, напомнив об одном из эпизодов героической борьбы предков с иноплеменниками, мгновенно наэлектризовал расстроенную партию наездников. Точно по команде военачальника, она тотчас же собралась в кучу, сложила оставшуюся у нее добычу и, смявши дружным натиском нападавшего неприятеля, отбила у него охоту к дальнейшему преследованию» [Кешев 1987: 229]. Как отмечает русский автор XIX в., черкесские предводители в критической ситуации ободряли своих воинов песнями, «к которым горцы для возбуждения мужества прибегают обыкновенно в подобных опасностях или в бою с неприятелем» [Западный Кавказ...: 155]. У многих народов (скифы, викинги и др.) для поднятия духа перед сражениями воины употребляли различные наркотические, психотропные средства. В Советской Армии выдача военнослужащим медицинского спирта, так называемые «сто грамм для храбрости», практиковалась во время Второй мировой войны. У черкесов же исполнение героических песен было лучшим средством поднятия духа.

Присутствие джегуако во время сражений было обычным явлением. От сознания того, что в войске присутствуют (наблюдают сражение) джегуако, возрастала боеспособность воинов. Ведь джегуако, следившие за ходом сражения, могли не только воспеть храбрецов, но и высмеять трусов.

Этот обычай сохранялся у черкесов и на чужбине, после окончания Кавказской войны и высылки в Османскую империю. Вот что сообщил Дугуж Фуад, 1940 г. р., черкес-репатриант из Сирии: «Во время черкесско-друзской войны (80-е г. XIX в.), как рассказывали старшие мне, впереди черкесской конницы, во время боя, верхом, играя на шичепшине воодушевлял воинов джегуако Кумук Маша из с. Хышной на Голанских высотах» [Информатор Дугуж Фуад Яхья, 1940 г.р., сел. Сальманея, Сирия].

Джегуако играли в адыгском обществе огромную роль – они были одновременно и историками, и поэтами. Благодаря им история нации, отраженная в героических песнях, передавалась из поколения в поколение, а имена народных героев обретали бессмертие. Э. Спенсер писал: «Эти странствующие барды занимают высокое положение в обществе: каждый дом по всей стране открыт, чтобы принять их. Их нежные мелодии подбадривают любой праздничный стол; их военные песни воодушевляют героя и в лагере, и на поле боя, исполняя свои легендарные баллады, они увековечивают историю страны с незапамятных времен, и, связывая мимолетные события дня, не только воспевают подвиги храброго, упрекают предателя и труса, разоблачают преступления того, кто нарушает законы общества, но доносят до удаленных племен известия, которые иначе никогда невозможно было бы передать в стране без литературы или любого другого средства сообщения, всеобщего для цивилизованных стран. Нельзя поэтому удивляться тому, что к этим странствующим поэтам везде относятся с величайшим интересом и благоговением. Это чувство является настолько всеобщим, что прибегая в одну из деревушек, я часто видел жителей, спорящих с добродушной энергией о том, кто окажет любимцу гостеприимство, и горе тому, кто будет насмехаться или плохо обращаться с незащитным музыкантом» [Спенсер: 74, 80].

Личность джегуако была неприкосновенна и, несмотря на частые феодальные междоусобия и войны, они свободно передвигались по всей территории Черкесии, никого и ничего не опасаясь. Их пропуском и отличительным знаком служило то, что они ездили на лошадях исключительно серой масти, часто без оружия, имея при себе только шичепшину [История горских народов...: 81]. Гарантированную неприкосновенность и вольность джегуако З.М. Налоев назвал джегуаковским иммунитетом. «Джегуаковский иммунитет, – пишет он, – став традицией, прошел через всю историю народа, и она мешала и феодалам, и разбойникам, и просто плохим людям расправляться со своими обличителями и хулителями; убивать народных певцов считалось и великим грехом и великим позором. Традиция уступать им во всем отразилась и в фольклоре» [Налоев 2011: 49].

Песенный фольклор играл огромную роль в идеологическом воспитании молодежи. Поэтому черкесы не запрещали детям и юношам присутствовать вместе со взрослыми в кунацких, где они, слушая народных певцов и беседы старших, узнавали историю, традиции и обычаи своего народа. Говоря об этой роли песенного фольклора, А.-Г. Кешев писал: «Рисуя заманчивыми красками подвиги славных мужей старины, получающей всегда в глазах позднейшего поколения какой-то розовый колорит, песня служила для черкесской молодежи школой для воспитания. Она разжигала восприимчивые умы, воспламеняла воображение пылких юношей и освежительно действовала на угасающие силы старика. Ее могучая, вдохновляющая энергия возбуждала постоянно во всех классах черкесского общества и неослабно поддерживала в них воинственный дух, ненасытную жажду славы и подвигов» [Кешев 1987: 228–229].

Непосредственное отношение к традиционной военной культуре черкесов имели и такие жанры песенного фольклора как песни ранения (щӀопщакӀуэ уэрэд) и песни извлечения пули (шэхэх уэрэд). Песни первого рода исполнялись при обряде излечения раненого, называемом по-черкесски «кӀэпщ» или «щӀопщакӀуэ». Песни второго рода (шэхэх уэрэд) исполнялись лекарем (Ӏэзэ) во время операции по извлечению пули или джегуако, приглашенным для развлечения раненого. Процесс извлечения пули был болезненным. Учитывая, что черкесы не использовали обезболивающих средств, а по этикету громко стонать или проявлять нетерпение от боли порицалось, песни извлечения пули выполняли роль морально-психологической поддержки, помогая переносить боль [Налоев 1980: 15–17].

Песни излечения раненого (щӀопщакӀуэ уэрэд), как и песни извлечения пули (шэхэх уэрэд), имели по представлениям черкесов магическое действие [Мафедзев: 176–177].

Таким образом, можно заключить, что песенный фольклор был тесно связан с системой военной культуры черкесов и выполнял следующие общественно значимые функции:

- фиксация и сохранение в исторической памяти народа важных событий;
- морально-психологическая подготовка молодежи к воинской жизни;
- поддержание во время сражений высокого боевого духа;
- воспитание, поощрение полезных для общества человеческих качеств и осуждение противоположных им (храбрость – трусость, верность – предательство, щедрость – жадность и т.д.);
- привлечение удачи благодаря приписываемым джегуако и их песням магическим способностям и качествам;
- увековечивание памяти народных героев и др.

Источники и литература

1. Кешев А.Г. Характер адыгских песен // Каламбий. Записки черкеса. Нальчик: Эльбрус, 1987. С. 222–237.

2. *Хан-Гирей*. Записки о Черкесии. Нальчик: Эльбрус, 1992. 346 с.
3. *Налоев З.М.* У истоков песенного искусства адыгов // Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. – Кабардино-Балкарский ордена «Знак почета» институт истории, филологии и экономики при совете министров КБАССР / под ред. Е.В. Гиппиуса; сост. В.Х. Барагунов, З.П. Кардангушев. М.: Всесоюзное издательство «Советский композитор», 1980. Т. 1. С. 7–26.
4. *Налоев З.М.* Героические величальные и плачевные песни адыгов // Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. – Кабардино-Балкарский ордена «Знак почета» институт истории, филологии и экономики при совете министров КБАССР / под ред. Е.В. Гиппиуса; сост. В.Х. Барагунов, З.П. Кардангушев. М.: Всесоюзное издательство «Советский композитор», 1986. Т. 3. Ч. I. С. 5–34.
5. *Налоев З.М.* Институт джегуако. – Учреждение Российской академии наук Институт гуманитарных исследований Правительства КБР и Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук. Нальчик: ООО «Тетраграф», 2011. 407 с.
6. *Гутов А.М.* Историческая память народа // Адыгские песни времен Кавказской войны. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2005. С. 5–28.
7. *Кажаров В.Х.* Песни, ислам и традиционная культура адыгов в контексте Кавказской войны // Адыгские песни времен Кавказской войны. Нальчик, 2005. С. 29–86.
8. *Соколова А.Н.* Адыгская агонистика // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. Майкоп, 2010. Вып. 3 (63). С. 210–216.
9. *Бгажноков Б.Х.* Воинский класс и демографическое пространство Черкесии в XVII – середине XIX в. // Вестник КБИГИ. Нальчик, 2004. № 11. С. 45–82.
10. *Сталь К.О.* Этнографический очерк черкесского народа // КС. 1900. Т. 21. Отд. 2. С. 53–173.
11. *Лонгворт Дж.А.* Год среди черкесов. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2002. 541 с.
12. *Хан-Гирей*. Избранные произведения. Подготовка текста и вступительная статья Р.Х. Хашхожевой. Нальчик: Эльбрус, 1974. 335 с.
13. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. – Кабардино-Балкарский ордена «Знак почета» институт истории, филологии и экономики при совете министров КБАССР / под ред. Е.В. Гиппиуса; сост. В.Х. Барагунов, З.П. Кардангушев. М.: Всесоюзное издательство «Советский композитор», 1986. Т. 3. Ч. I. 264 с.
14. *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. Нальчик: Эльбрус, 1982. 166 с.
15. *Липинский Т.* (Тэффик-бей). Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1995. 463 с.
16. Западный Кавказ в первой половине XIX века. По материалам Ф.Я. Лисовского и В.Л. Чуркина. Сборник архивных документов / сост., автор предисловия, примечаний и указателей к.и.н. Л.И. Цвижба. М.: Наука – Восточная литература, 2019. 190 с.
17. *Спенсер Эд.* Путешествия в Черкесию. Предисловие, перевод и комментарии Н. Нефляшевой. Майкоп: РИПО «Адыгея», 1994. 153 с.
18. История горских народов Кавказа. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2004. 118 с.
19. *Мафедзев С.Х.* Обряды и обрядовые игры адыгов в XIX– начале XX века. Нальчик: Эльбрус, 1979. 293 с.

SONG FOLKLORE IN THE SYSTEM OF MILITARY CULTURE OF THE CIRCASSIANS (ADYGS)

Mirzoev Aslanbek Sultanovich, Candidate of History, Senior Researcher Fellow Department of Medieval and Modern History of Institute of Humanitarian Researches – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), marzeibach@mail.ru

The article examines the connection of the song folklore of the Circassians (Adygs) with their developed military culture. It was found that he performed a number of socially significant functions: the ideological substantiation of the militarized life of society and the way of life of the military class, the moral and psychological preparation of young people for military life and the education of the necessary qualities for this, maintaining a high fighting spirit of soldiers

during battles, perpetuating the memory of historical events together with the names of folk heroes. It was revealed that the military life of the Circassians contributed to the emergence of specific genres of song folklore, which are qualified as historical and heroic songs (zaue uered), praising songs (lyzak'ue pshynal'e), songs of mourning for heroes (gybze), marching songs (zeklue songs from the randechenny) (shlopschaklue uerad), bullet extraction songs (shehekh uerad), etc.

Keywords: song folklore, dzheguako, dzheguak immunity, historical and heroic songs, militarized life, military glory, folk memory.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-3-46-40-47